

АБРАМОВ Владислав Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. одной монографии

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯНИЯ КАК ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Статья посвящена характеристике деяния как признака состава экологического правонарушения. В ней раскрывается сущность объективной стороны экологического правонарушения, характеризуются виды и основные особенности деяния как ее обязательного признака.

Ключевые слова: экологическое правонарушение, объективная сторона, противоправное деяние, действие, бездействие, окружающая среда.

Объективная сторона любого правонарушения – это внешнее выражение акта противоправной поведенческой деятельности, протекающей в условиях определенной обстановки. Следует обратить внимание на то, что поведение, запрещаемое эколого-правовыми нормами под угрозой применения мер юридической ответственности, представляет собой диалектическое единство его объективных и субъективных моментов, поскольку выступает в виде объективированных волье и сознанию человека. В такой совокупности качественных свойств оно предстает как социальное явление – правонарушение в целом. Составными же компонентами объективной стороны являются его внешние, нашедшие отражение в реальной действительности признаки.

Объективная сторона играет наиболее заметную роль среди всех элементов состава экологического правонарушения. Вполне логично, что именно ее главным образом и описывают диспозиции охранительных эколого-правовых норм. Следовательно, она выступает в качестве своеобразного фундамента конструкции любого состава нарушения законодательства в области охраны окружающей среды.

В свою очередь, основываясь на положениях общетеоретического учения о правонарушении, а также доктрины уголовного права, к числу обязательных, «системообразующих» признаков состава, характеризующих объективную сторону означенных нарушений, необходимо относить противоправное деяние. Как справедливо отмечается в литературе, оно

представляет собой «полное или частичное несоблюдение требований экологического законодательства или совершение действий, прямо запрещенных этим законодательством»¹.

Согласно постулатам теории правонарушения объективное выражение деяния возможно в двух формах: *действия*, нарушающего юридические запреты, и *бездействия*, нарушающего общеобязательные предписания, за невыполнение которых санкцией правовой нормы предусматривается применение мер юридической ответственности. Тем самым с внешней стороны действие проявляется в активном поведении субъекта, бездействие – в пассивном, в несовершении определенных общественно необходимых поступков, которые лицо должно было и могло осуществить². Вполне очевидно, что конкретная форма экологически негативного поведения определяется конструкцией, содержанием юридической нормы, формулирующей соответствующие предписания или запреты.

Следует отметить, что деяние предстает в качестве признака объективной стороны правонарушения в области охраны окружающей среды главным образом постольку, поскольку оно способно причинить вред охраняемому эколого-правовыми нормами объекту – частным и (или) публичным интересам, социальным отношениям, возникающим и функционирующим в сфере взаимодействия общества и природы. Именно в силу указанного обстоятельства подобные акты поведенческой деятельности запрещаются данными нормами под угрозой применения мер юридической ответственности. В принципе, формулирование какого-то особого, специфического понятия деяния не является задачей эколого-правовой науки. Круг поступков, имеющих юридическое значение, очерчивается посредством фиксации их в соответствующих нормах.

По форме совершаемого деяния означенные правонарушения можно классифицировать на три большие группы: 1 – совершаемые только посредством действий; 2 – совершаемые исключительно вследствие бездействия; 3 – совершаемые как путем действий, так и

бездействия субъектов. Именно конструкции действующих в настоящий момент правовых норм, формулирующих составы нарушений законодательства в области охраны окружающей среды, свидетельствуют об известном разнообразии возможных форм противоправного поведения.

Наиболее наглядно указанная особенность проявляется в составах, зафиксированных в главе 26 Уголовного кодекса РФ и главе 8 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В частности, такое административное правонарушение, как самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы (ч. 1 ст. 8.6 КоАП РФ), а также незаконная охота, наказуемая в уголовном порядке (ст. 258 УК РФ), могут быть совершены только посредством действий. Примерами проступков, предполагающих бездействие субъектов, могут служить составы правонарушений, включающие в себя невыполнение требований законодательства об обязательности проведения государственной экологической экспертизы (ч. 1 ст. 8.4 КоАП РФ), невыполнение обязанностей по рекультивации земель (ч. 1 ст. 8.7 КоАП РФ). В свою очередь, конструкции составов нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами (ст. 8.3 КоАП РФ), нарушения требований по охране недр и гидроминеральных ресурсов (ст. 8.9 КоАП РФ) или нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ) предполагают совершение деяния как в форме действий, так и бездействия субъектов.

По механизму оказания противоправного посягательства на природную среду – интегрированный предмет экологического правонарушения – следует различать варианты поведенческой деятельности, связанные с непосредственным либо опосредованным воздействием на нее. Специфика первой разновидности правонарушений заключается в том, что причинение вреда природе является результатом посягательства на какой-либо ее компонент. Вследствие ухудшения его качественных (а зачастую – и количественных) характеристик

происходят неблагоприятные изменения в естественных экологических системах и природной среде в целом. Так, например, в Республике Мордовия противоправные посягательства на компоненты природной среды осуществляются преимущественно посредством нарушения правил охоты и добычи водных биологических ресурсов, эксплуатации очистных сооружений, незаконной рубки, а также уничтожения или повреждения лесных насаждений, превышения субъектами хозяйственной и иной деятельности нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, производства выбросов и сбросов вредных веществ без специального разрешения, приводящих к загрязнению атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, почвенного слоя земли.

Однако нарушения законодательства в области охраны окружающей среды не следует ограничивать исключительно сферой «непосредственного использования» природных компонентов, как это предлагается О.Л. Дубовик и А.Э. Жалинским³, поскольку функционирование общественных экологических отношений проявляется не только на уровне непосредственного природопользования. В случае опосредованного воздействия на природную среду наступление вредоносных последствий обуславливается противоправным посягательством не на природные компоненты, а на субъективные экологические права. И уже в качестве результата данного посягательства необходимо квалифицировать угрозу причинения вреда предмету правонарушения. Так происходит, в частности, при незаконном отказе в государственной регистрации заявлений о проведении общественной экологической экспертизы (ч. 3 ст. 8.4 КоАП РФ), сокрытии, умышленном искажении или несвоевременном сообщении полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и природных ресурсов (ст. 8.5 КоАП РФ), в случае несоблюдения экологических требований при территориальном планировании, градостроительном зонировании, планировке территории либо архитектурно-строительном проектировании (ст. 8.1 КоАП РФ).

И действие, и бездействие характеризуются известным своеобразием содержания. Противоправное деяние может быть простым – заключающемся в одном человеческом телодвижении (или их ограниченном количестве, направленном на решение локальной задачи) – либо сложным, которое чаще всего объединяет несколько поступков субъекта⁴. Примером первого из означенных вариантов могут служить, в частности, случаи загрязнения компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов в результате кратковременных (залповых) выбросов и сбросов вредных веществ.

Второй вариант предполагает определенную систему актов поведенческой деятельности, образующих в совокупности единое деяние. В их числе следует отметить продолжаемые деяния, под которыми в теории правонарушения понимается поведение, состоящее из ряда тождественных противоправных поступков, направленных к общей цели и объединенных единым умыслом; и длящиеся деяния – действия (бездействия), характеризующиеся длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного⁵. В сфере взаимодействия общества и природы они проявляются в фактах загрязнения природных компонентов отходами производства, несоблюдения экологических требований при эксплуатации объектов хозяйственного назначения, происходящих непрерывно в течение длительного времени.

Конструктивная особенность отдельных составов нарушений законодательства в области охраны окружающей среды заключается в альтернативном описании деяния. Тем самым диспозиция охранительной эколого-правовой нормы закрепляет несколько возможных вариантов действия (бездействия): например, производство запрещенных видов опасных отходов, транспортировка, хранение, захоронение, использование либо иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил (ч. 1 ст. 247 УК РФ). При этом о наличии соответствующего состава свидетель-

ствует совершение любого из них (равно как и двух, трех или даже всех означенных деяний)⁶.

Среди основополагающих характеристик экологического правонарушения как социального явления необходимо указать следующую его специфическую черту. Тесная взаимосвязь различных составляющих природной среды предопределяет достаточно высокую степень вероятности причинения ущерба нескольким ее компонентам одним противоправным деянием. Факты реальной действительности подтверждают это. В частности, аварийный разлив 8 т концентрированной серной кислоты на рельеф местности, произошедший на территории ОАО «Лисма», привел к загрязнению почти 1,2 тыс. м² почвы, а также атмосферного воздуха, в который испарилось 330 кг серной кислоты. В результате утечки на территории того же ОАО «Лисма» 10 м³ отработанного раствора азотной и серной кислоты были загрязнены почва, поверхностные и подземные воды. Ущерб окружающей среде составил около 600 тыс. р. К весьма значительному стоимостному выражению отрицательных последствий правонарушения привел ддящийся характер его совершения (как справедливо отмечается в литературе, подобные факты достаточно часто встречаются в сфере промышленного производства⁷): вытекание раствора из железнодорожной цистерны на рельеф местности после его обнаружения продолжалось в течение трех последующих дней.

От сложного действия (бездействия) необходимо отграничивать комплекс тождественных либо однородных поступков, сочетание которых признается эколого-правовыми нормами единым правонарушением, носящим усложненный, собирательный характер и обладающим повышенной степенью вредоносности, во многих случаях достигающей уровня общественной опасности. Наглядным примером такого варианта преступного поведения некоторое время назад могла служить конструкция пункта «б» ч. 2 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений, совершенная неоднократно)⁸. Следует отметить, что термин «неоднократность» в действующем российском

уголовном законодательстве не применяется. В теории правонарушения он предполагает совершение тождественных противоправных деяний два или более раз⁹.

В Кодексе РФ об административных правонарушениях при описании признаков составов административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования данный термин также не используется. Что интересно, в ранее действовавшем законодательстве об административных правонарушениях применительно к рассматриваемой разновидности проступков использовался термин «систематичность»: ч. 2 ст. 85 КоАП РСФСР предусматривала административную ответственность за систематическое нарушение правил охоты. Этот термин имеет в теории правонарушения конкретное значение, предполагая совершение субъектом тождественных либо однородных противоправных деяний более двух раз¹⁰. В конструкциях ряда составов (например, в ч. 3 ст. 56-2, ч. 2 ст. 57-1 КоАП РСФСР) фиксировался признак так называемой административной преюдиции. Он означал повторное совершение тождественного – «того же» – проступка лицом, которое в течение года уже было подвергнуто за него административному взысканию.

В качестве специфической формы экологически негативной поведенческой деятельности следует рассматривать и так называемое «злоупотребление правом». Еще в начале XX века Г.Ф. Шершеневичем предлагалось признавать противоправным «деяние или упущение, нарушающее чужое субъективное право причинением имущественного вреда», за исключением случаев, когда лицо управомочено на совершение таких действий¹¹. Поэтому не случайно в ст. 10 Гражданского кодекса РФ закреплено принципиальное правило, согласно которому не допускается злоупотребление принадлежащим лицу правом.

Такая позиция закономерна, поскольку субъективное право, будучи мерой дозволенного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы своего осуществления,

только в пределах которых оно всегда является правомерным¹². Если же в процессе реализации принадлежащего лицу права нарушаются охраняемые законом экологические права других субъектов и возникает угроза причинения вреда природной среде, подобные деяния должны квалифицироваться в качестве противоправных. По существу, в этих случаях осуществление субъективного права происходит с превышением легально установленных пределов. Думается, вполне обоснованным будет выглядеть вывод о том, что злоупотребление правом представляет собой гражданско-правовой деликт, особенность которого заключается в причинении вреда другому лицу в процессе реализации субъектом принадлежащего ему права.

Означенное обстоятельство логически предопределяет внесение необходимого уточнения в понимание термина «злоупотребление правом», характеризующегося в литературе как «отступление от закона», проявляющееся в осуществлении права в противоречии с его социальным назначением. Последнее обуславливается целью, ради которой соответствующее право было предоставлено субъекту¹³. В.П. Грибанов трактовал данное понятие как

особый вид гражданского правонарушения, совершаемого при осуществлении лицом принадлежащего ему права, связанного с использованием недозволенных форм его реализации, но в рамках общего типа поведения, определяемого содержанием этого права¹⁴.

И все же представляется, что вероятность причинения вреда в результате злоупотребления правом предполагает выход за легально установленные пределы его осуществления. В свою очередь, факты такого рода свидетельствуют о деяниях, нарушающих законодательно закрепленные предписания, в связи с чем понимание рассматриваемого термина в вышеуказанных контекстах теряет смысл¹⁵. В сфере взаимодействия общества и природы злоупотребление правом может проявиться в реализации лицом своего субъективного экологического права, в результате которой возникает угроза причинения ущерба природной среде (отдельным ее составляющим), а вследствие этого – иным охраняемым законом благам, интересам. Как очевидно, подобные формы реализации субъективных прав предопределяют осуществление последних с превышением пределов, ограничений, устанавливаемых эколого-правовыми нормами.

Примечания

¹ Лопашенко Н.А. Экологические преступления: коммент. к гл. 26 УК РФ. СПб., 2002. С. 33.

² См., напр.: Курс уголовного права. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 120–123.

³ См.: Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. М., 1988. С. 60.

⁴ См., напр.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2000. С. 332.

⁵ См., напр.: Курс уголовного права. Т. 1. С. 232; Наумов А.В. Указ. соч. С. 332–333.

⁶ См., напр.: Курс уголовного права. Т. 1. С. 511; Наумов А.В. Указ. соч. С. 334.

⁷ См., напр.: Круглов В.В. Организационно-правовые вопросы охраны окружающей среды в промышленности. Свердловск, 1989. С. 139.

⁸ Утратил действие с момента вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

⁹ См., напр.: Лопашенко Н.А. Указ. соч. С. 232.

¹⁰ См., напр.: Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 167.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 392, 395–396.

¹² См., напр.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. М., 1982. С. 114; Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. С. 18.

¹³ См., напр.: *Братусь С.Н.* О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79, 82.

¹⁴ См.: *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 107–108.

¹⁵ Неслучайно в литературе уже давно были высказаны суждения о внутренней противоречивости термина «злоупотребление правом» (см., напр.: *Азарков М.М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Изв. АН СССР. 1946. № 6. С. 426).

Abramov Vladislav Gennadievich

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov,
Humanitarian Institute in Severodvinsk

PECULIARITIES OF AN ACT AS AN ELEMENT OF OBJECTIVE SIDE OF ENVIRONMENTAL OFFENCE

The article deals with description of an act as an essential element of environmental offence. The article shows the essence of the objective side of environmental offence and describes the types and basic features of an act as its essential element.

Key words: *environmental offence, objective side, wrongful act, activity, inactivity, environment.*

*Контактная информация:
e-mail: vlaabr@rambler.ru*

Рецензент – *Худойкина Т.В.*, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой основ российского права Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева